

Глава II. Мелкобуржуазная кредитная кооперация

1. Характеристика народного банка Шульце

Кредитная кооперация обслуживает нужды тех общественных классов, которые ведут самостоятельное хозяйство. Пролетариат не испытывает существенной нужды в кредитных кооперативах, так как наемный рабочий не ведет самостоятельного хозяйства. Поэтому кредитная кооперация существует преимущественно в двух формах — крестьянской и мелкобуржуазной кооперации.

Мелкобуржуазная кредитная кооперация получила наибольшее развитие в Германии, и на примере этой страны можно с наибольшей отчетливостью наблюдать естественные тенденции развития этого рода кооперации. В кооперативной теории Шульце кредитная кооперация играла самую скромную роль. Но в действительной жизни кредитная кооперация в форме ссудо-сберегательного товарищества явилась, как сказано, главным содержанием всего кооперативного движения, созданного Шульце.

Что же такое представляют собой по своей внутренней природе ссудо-сберегательные товарищества Шульце? Каким реальным целям они служат?

Характернейшим признаком кооператива нужно считать некапиталистическую цель данной организации. В то время как капиталистические предприятия стремятся к получению наибольшей прибыли на затраченный капитал, кооперативные предприятия имеют своей целью либо увеличение трудовых доходов своих членов, либо сокращение расходов последних на их потребительские нужды. Крестьянские кредитные товарищества райффайзеновского типа являются несомненными кооперативами, так как капиталистических целей они не преследуют и преследовать не могут, ибо они почти не имеют или совсем не имеют паевого капитала. Задача их сводится к доставлению членам товарищества кредита на возможно более выгодных условиях, т.е. по возможно более низкому проценту. Никаких капиталистических доходов они давать не могут.

Иное нужно сказать о ссудо-сберегательных товариществах Шульце. По самой своей природе они имеют двойственный характер. Правда, они преследуют и те цели, которые ставят себе кредитные товарищества райффайзеновского типа: они стремятся к доставлению своим сочленам наиболее дешевого кредита. Но к этой цели кредитные

организации, созданные Шульце, прибавляют и другую, совершенно противоположную — обеспечить своим пайщикам возможно больший дивиденд на пайщицкий капитал.

Поскольку организации этого рода стоят на почве первой задачи, они являются кооперативами; поскольку же они преследуют цели второго рода, они ничего общего с кооперацией не имеют и должны быть причислены к организациям капиталистическим.

Эта двойственность целей знаменует собой двойственность и внутренней природы кредитных организаций Шульце. В состав шульцевского народного банка входят члены с существенно различными хозяйственными интересами: одни ищут наиболее выгодного помещения своего капитала, другие — дешевого кредита.

По поводу «погони за дивидендом» шульцевских кредитных организаций велась долголетняя полемика между Шульце и Райффайзенем, упрекавшим Шульце, что его товарищества преследуют капиталистические цели. И конечно, в этом споре был прав Райффайзен.

Правда, сам по себе принцип паевого капитала не противоречит сущности кооперации. Почти все кооперативы, кроме райффайзеневских кредитных товариществ, имеют паевой капитал. Однако между паевым капиталом шульцевского кредитного товарищества и паевым капиталом других кооперативов имеется существенное различие.

Паевой капитал в других кооперативах появляется вследствие невозможности для этих кооперативов привлечь в свое предприятие необходимый для функционирования последнего капитал иначе, как в форме паевого капитала. Но паевой капитал этих кооперативов не имеет ничего общего с паевым капиталом капиталистических предприятий.

В капиталистических предприятиях весь чистый доход предприятия разверстывается пайщиками пропорционально паям каждого. Напротив, пайщики кооператива получают лишь определенный (по возможности более низкий) процент на свой капитал; чистый же доход предприятия разверстывается не пропорционально паям, а пропорционально тому участию, которое каждый член принимает в оборотах кооператива: в потребительских обществах остаток за покрытием всех расходов разверстывается между покупателями пропорционально закупкам каждого, в кооперативах по сбыту — пропорционально поставленному каждым товару и т.д.

Таким образом, пайщицкий капитал кооператива аналогичен той доле капитала капиталистического предприятия, которая получена предприятием в кредит. Если взять акционерную компанию, то пайщицкий капитал кооператива аналогичен не акционерному, а облигационному капиталу.

Напротив, в ссудо-сберегательном товариществе Шульце паевой капитал вполне аналогичен паевому капиталу капиталистического предприятия: на паевой капитал начисляется не определенный, возможно более низкий процент, но дивиденд, величина которого измеряется в зависимости от чистого дохода товарищества. Дивиденд ссудо-сберегательного товарищества принципиально ничем не отличается от дивиденда

акционерной компании, и, значит, паевой капитал народного банка Шульце аналогичен не облигационному, а акционерному капиталу акционерной компании.

Чтобы быть действительно кооперативом, ссудо-сберегательное товарищество должно было бы распределять свой чистый доход не пропорционально паям, а пропорционально тому, в какой мере члены товарищества содействовали его оборотам, пользовались его услугами, — пропорционально количеству полученного каждым кредита. Это было бы кооперативным распределением чистого дохода, между тем как то распределение, которое практикуется народными банками, характерно для капиталистических, а не кооперативных предприятий.

Итак, уже основные принципы устройства ссудо-сберегательного товарищества сближают его с капиталистическим предприятием. Неудивительно, что ссудный процент в ссудо-сберегательных товариществах Шульце стоит сравнительно на высоком уровне.

Вначале, пока эти товарищества не накопили своего собственного значительного капитала, ссудный процент был даже очень высок. Так, по сообщению самого Шульце, его народные банки вначале вносили обычно 14 Vj годового процента со своих клиентов, причем этот огромный процент распределялся следующим образом: 5 % шли на уплату процентов по капиталам, помещаемым в товариществе лицами, ему посторонними, 3 % шли на покрытие расходов по управлению товариществом, остальное же шло на дивиденд пайщикам, что могло составить очень крупный дивиденд, принимая во внимание, что пайщицкий капитал был значительно ниже чужих капиталов, которыми работало товарищество.

Правда, с течением времени ссудный процент в шульцевских товариществах был значительно понижен, в шестидесятых годах он спустился до 8 %, а теперь обычно колеблется между 3 и 7 %. Но нужно иметь в виду, что ссудо-сберегательные товарищества Шульце являются очень хорошо организованными кредитными учреждениями. Кредитуя из 5-7 %, народные банки имеют возможность по-прежнему выдавать внушительные дивиденды своим пайщикам. Большинство товариществ выдает дивиденд в размере 5-8 % паевого капитала, но некоторые выдают дивиденд в размере 10-12 % и даже выше.

Точно так же и служба членов правления шульцевских народных банков оплачивается по обычной капиталистической расценке, что является разительным контрастом с действительно кооперативной организацией райффайзеновских товариществ, в которых труд членов правления и совета принципиально совсем не оплачивается.

Пойдем дальше. Истинный кооператив ведет свои операции со своими членами, а не с посторонними лицами. Так, в райффайзеновском товариществе кредит получают только члены. Напротив, шульцевские народные банки с самого своего возникновения вели значительные операции с лицами, не принадлежавшими к составу членов. Операции с не-членами привели многие народные банки к крушению в семидесятые годы прошлого столетия благодаря финансированию дутых предприятий, отчего страдают и обыкновенные банки.

В семидесятые годы погибло немало более крупных и богатых народных банков, ближе всего подходивших по своим операциям к обычным банкам, как, например, народные банки

в Дрездене (в 1873 г.), в Дюссельдорфе (в 1875 г.), в Штутгарте (в 1885 г.), в Россвейне, Лейбусе и многих других городах. Особенное значение имело крушение Дюссельдорфского ссудо-сберегательного товарищества, которое Цейдлер, автор известной истории германской кооперации, называет «величайшим несчастьем, которое когда-либо постигало германскую кооперацию». И действительно, в результате этого крушения 22 народных банка рейнских провинций ликвидировали свои дела в качестве ссудо-сберегательных товариществ и приняли форму акционерных банков.

И по размерам паев кредитные организации Шульце не очень далеко отстоят от небольших капиталистических банков. При этом замечается, что с течением времени сумма паевого капитала, приходящегося на одного пайщика, быстро возрастает. Так, например, в 1903 г. в товариществах, входивших в состав Всеобщего союза Шульце, на одного члена приходилось 276 марок паевого собственного капитала, в 1908 г. уже — 336 марок.

Кооператив предполагает деятельное участие членов в управлении делом. Напротив, в народных банках Шульце большинство членов так же индифферентно относится к общему делу, как и большинство акционеров в акционерном предприятии. Общие собрания бывают, как общее правило, только раз в год, причем и это годовое собрание посещается очень плохо, на что обычно жалуются правления. Мало этого, большое число членов народных банков (среднее число членов на один такой банк достигало в 1912 г. 661 чел., а во многих банках число членов достигает несколько тысяч человек) приводит к тому, что общее собрание членов заменяется собранием уполномоченных. При таком порядке связь между рядовым членом и общим предприятием еще ослабевает и от «кооперативного духа» не остается почти ничего. Всем фактически управляет небольшая группа руководителей совершенно так же, как и в обычных капиталистических товариществах.

Точно также и операции народных банков очень мало отличаются от обычных банковских операций. Главнейшими активными операциями их являются контокоррентный кредит и учет векселей. Ссуды под долговые расписки членов практикуются в ничтожных размерах; ссуды под векселя более распространены, но все же уступают чисто капиталистическим формам кредита. При самом возникновении народных банков преобладали некапиталистические формы кредита, теперь же замечается обратное:

Открытый народными банками кредит (марок)

Вид кредита	1880 г.	1912 г.
Под векселя	550,3	1103,2
Под долговые расписки	100,5	225,9
Учёт векселей	299,2	1268,1
Ипотечный кредит	9,0	158,9
Контокоррентный кредит	488,4	2286,6
Итого	1447,2	4984,8

Учет векселей и контокоррентный кредит являются важнейшими кредитными операциями капиталистических коммерческих банков. Поскольку народные банки являются организациями некапиталистического кредита, для них характерен преимущественно кредит под долговые расписки. И мы видим, какое ничтожное значение имеет эта операция в балансах народных банков; в 1880 г. она составляла всего 0,7 % всех кредитных операций этих банков, а с 1912 г. — даже менее 0,5 %. Напротив, учет векселей и контокоррент составляли в 1880 г. 55 % всех операций, а в 1912 г. — уже свыше 70 %.

Что касается величины открываемого народными банками кредита, то об этом дают представление нижеследующие данные:

Высшие размеры кредита на одно лицо

В 40 народных банках Берлина и окружающих местностей

Количество банков	Высший кредит
1 банк	500 000 марок и выше
5 банков	200 000 марок
7 банков	100 000 марок
4 банка	50 000 марок
9 банков	20 000 марок
6 банков	10 000 марок
8 банков	ниже 10 000 марок

В 63 банках среднего Рейна

Количество банков	Высший кредит
1 банк	300 000 марок и выше
2 банка	200 000 марок
8 банков	100 000 марок
6 банков	50 000 марок
18 банков	20 000 марок
14 банков	10 000 марок
12 банков	ниже 10 000 марок

Не говоря уже о кредите в 500 000 марок или 400 000 и 300 000 марок на одно лицо, даже кредит в 10 000 марок на одно лицо не может считаться мелким кредитом. Но, как видно из приведенных данных, почти все народные банки практикуют кредит свыше 10 000 марок на одно лицо; иными словами, почти все шульцевские ссудо-сберегательные товарищества являются учреждениями не только мелкого кредита.

В то время как кредитные товарищества райффайзеновского типа неизбежно требуют для своего успеха центральных учреждений, объединяющих в себе обширные группы этих товариществ, шульцевские народные банки только в очень ограниченной степени испытывают потребность в таком объединении. Правда, в первое время, пока они были слабы и с трудом находили поддержку у обычных банков, потребность в создании объединяющего центра все же чувствовалась ими и повела к созданию в 1865 г. Немецкого кооперативного банка Зергеля, Паризиуса и К°, который являлся командитным товариществом⁸⁹ на акциях. Акционерный капитал этого банка первоначально выражался очень скромной цифрой в 270 000 талеров, но постепенно по мере развития народных банков возрастал и в конце концов был доведен до 36 млн. марок.

Однако, несмотря на свое название, банк этот далеко не был всецело созданием народных банков: с самого начала последние владели лишь двумя третями его акций, а по мере увеличения его оборотов доля капитала, принадлежавшая шульцевским товариществам, значительно сократилась. Товарищества эти обнаруживали чем дальше, тем меньше интереса к их общему банку, и последний стал все более и более принимать характер обычного акционерного банка. Это повело к тому, что Немецкий кооперативный банк безнадежно запутался в разных рискованных спекуляциях и в конце концов должен был ликвидировать свои операции в связи с кризисом, вызванным крушением Лейпцигского банка в 1900 г.

Дальнейшая судьба этого банка была весьма своеобразна. Ликвидацией его дела занялся Дрезденский коммерческий банк, и Немецкий кооперативный банк перестал существовать как самостоятельное банковское учреждение. Функции центрального учреждения, объединяющего шульцевские народные банки, стал исполнять Дрезденский коммерческий банк, который для этой цели открыл в своих филиальных отделениях особые кооперативные отделы.

Дрезденский банк является одним из крупнейших капиталистических банков Германии. Взвзяв на себя задачу обслуживать нужды шульцевских ссудо-сберегательных товариществ, он ввел в состав своих органов управления многих выдающихся деятелей шульцевских организаций, в том числе и председателя Всеобщего союза Крюгера. Неожиданное поглощение Немецкого кооперативного банка обычным капиталистическим не вызвало, по-видимому, никакого недовольства среди руководителей шульцевских организаций, и эти последние вполне примирились с создавшимся новым положением дел.

Таким образом, в настоящее время положение шульцевских кредитных учреждений таково: сами себя они признают кооперативами и в некоторых отношениях, действительно, приближаются к таковым. Но во главе всех этих «кооперативов» стоит объединяющий их уже вполне капиталистический и ничего общего с кооперацией не имеющий Дрезденский банк, принадлежащий к типу капиталистических банковых колоссов.

Впрочем, Дрезденский банк большой роли в деятельности народных банков не играет, потому что банки эти вообще не испытывают значительной потребности в объединяющем центре. Большинство из них стоит настолько прочно, что легко получает нужный кредит из любого банка, подобно всякому другому солидному кредитному учреждению. Отчасти же

тут действовала и действует и иная причина: и сам Шульце и его преемники по руководству Всеобщим союзом всегда относились с известным опасением к тесному хозяйственному объединению отдельных народных банков, опасаясь, чтобы такое объединение не привело к ослаблению самостоятельности этих последних. В данном случае Шульце стоял вполне последовательно на почве экономического либерализма, идеологией которого он был всегда проникнут.

2. Развитие народных банков

Обратимся теперь к цифровым данным относительно развития народных банков:

Год	Число народных банков	Число членов в них
1859*	80	18 676
1865	498	165 595
1870	740	314 656
1875	815	418 251
1880	906	460 656
1885	896	458 080
1890	1072	518 003
1896	1068	525 748
1900	870	511 061
1905	921	539 993
1912	957	632 480

**Год основания Всеобщего союза*

Мы видим, что в шестидесятых годах число шульцевских кредитных организаций быстро растет, равно как и число членов в них. Рост этот продолжается, хотя и несколько замедленным темпом, вплоть до начала девяностых годов. За десятилетие девяностых годов наблюдается падение и числа народных банков, и количества членов в них. Затем возобновляется рост того и другого, но очень незначительный: в 1912 г. число народных банков оказывается более низким, чем в 1890 г.

Отсюда ясно, что народные банки Шульце в противоположность райффайзеновским кредитным товариществам уже пережили период своего наибольшего расцвета, который приходится на семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия. Теперь народные банки утрачивают свое былое значение, в особенности, если мы будем сравнивать развитие их с ростом других кооперативных организаций. Чем же вызван этот относительный, а отчасти и абсолютный упадок народных банков?

Ответ звучит несколько парадоксально: упадок народных банков вызван их выдающейся хозяйственной успешностью. Именно потому, что народные банки оказались вполне жизнеспособными хозяйственными организациями, они и стали сокращаться в своей численности. Сокращение численности их есть результат не плохого, а хорошего ведения дел: народные банки сходят со сцены не путем ликвидации их как неудачных хозяйственных предприятий, а путем превращения их в высшую для них форму — акционерных капиталистических банков.

Поворотным пунктом в истории этих банков является 1890 г. Что же произошло в этом году? В 1889 г. был издан в Германии новый кооперативный закон, запретивший кооперативным организациям операции с не-членами. Эта статья нового закона дала сильный толчок к развитию большинства германских кооперативов: запрещение операций с не-членами побудило этих не-членов войти в состав кооперативов. Совершенно иначе отозвалась она на народных банках. Так как народные банки имели и имеют мало общего с кооперативами, то операции с не-членами имели для них жизненное значение, и притом с такими не-членами, которые ни в каком случае не вошли бы в состав членов народного банка, принадлежа к классу крупных капиталистов и отнюдь не нуждаясь в услугах этого рода организаций. Капиталистические клиенты народных банков могли найти кредит в других банках, если народный банк отказывал им в кредите.

Поэтому после издания нового кооперативного закона многие из народных банков предпочли отказаться от кооперативной формы для того, чтобы сохранить свою истинную сущность учреждений обычного капиталистического кредита.

Впрочем, не нужно и преувеличивать значение закона 1889 г.: превращение народных банков в акционерные было только ускорено новым законом, но более глубокие причины этого процесса были заложены в самой сущности кредитной организации, созданной Шульце. Своеобразный ход развития народных банков от кооператива к капиталистическому предприятию был неизбежен, как доказал Р. Финк, автор монографии «Das Schulze-Delitzch'sche Genossenschaftswesen»⁹⁰.

Совершенно так же, как Финк, характеризуют этот процесс и другие исследователи:

“ «Благодаря развитию операций с векселями, шульце-деличевские кредитные товарищества, — говорит, например, Герц в своей работе о банках в Пфальце, — достигли в Пфальце того, что они стали выполнять все функции обычного банка. Неудивительно, что некоторые из этих товариществ, сильно выросшие благодаря успехам в Пфальце торговли и промышленности, перешли под влиянием внешних обстоятельств, а более под влиянием стремления к полному обнаружению своих внутренних сил, к более свободной форме акционерных товариществ. Когда именно совершался этот переход, это зависело существенным образом от отношения к данному вопросу руководителей народных банков. Различные товарищества указывали различные основания для такого перехода. Промышленный банк в Шпейере и народный банк в Ландау выставляли как

основание введенное новым законом ограничение круга клиентов банка только членами. Людвигсхафенский народный банк (впоследствии Пфальцский банк) указывал на желание отказаться от неограниченной ответственности. Но действительное, частью высказываемое, частью не высказываемое основание для таких превращений заключалось в расширении операций этих кредитных учреждений».

Совершенно такой же характер имел ход развития шульцевской кредитной кооперации и в других местностях Германии. Так, Шрейбер в работе о саксонских банках, сообщает:

“ «Из 33 местных акционерных банков, имевшихся в Саксонии в 1892 г., только 6 возникли самостоятельно, все же остальные развились из ссудо-сберегательных товариществ путем превращения их в акционерные общества. В начале восьмидесятых годов в Саксонии возникла усиленная агитация в пользу законодательного разрешения товариществ переходить к ограниченной ответственности. Так как издание соответствующего закона замедлилось, а руководители германской кооперации не обнаруживали сочувствия такому изменению закона, то с половины восьмидесятых годов начались в большом числе переходы товариществ в акционерные компании. Однако страх перед неограниченной ответственностью был только внешним предлогом для таких переходов, внутренняя же причина последних заключалась в развитии самих товариществ. Хорошо руководимые товарищества в сущности переросли рамки товарищеской формы; они приняли характер настоящих банков и в то же время уже давно вели операции не только со своими членами. Начало к этим переходам положил в 1886 г. Лейзницкий банк; в следующем году последовали переходы крупных банков в Пирне и Фрейберге. Последний толчок был дан новым кооперативным законом 1889 г. Правда, закон этот разрешил ссудо-сберегательным товариществам переходить к ограниченной ответственности, но при таких ограничительных условиях, которые были неприемлемы для товариществ, принявших характер настоящих банков. За время 1889-1891 гг. не менее 19 товариществ приняли форму акционерных компаний, в том числе из более крупных банков теперешний Лебауский, Цвиккауский, Фогт- лэндский и др. банки».

Велика тяга ссудо-сберегательных товариществ к акционерной форме: за 1889-1905 гг. 161 шульцевский народный банк превратились в обычные акционерные банки.

Мало-помалу различие между народным банком и капиталистическим банком делается все менее и менее чувствительным. Это сказалось и в том, что Всеобщий союз шульцевских кооперативов постепенно стал включать в себя и акционерные банки. Уже в 1874 г. по предложению самого Шульце Бременский съезд союза постановил, что в союзе могут оставаться те товарищества, которые приняли акционерную форму.

На Кольбергском съезде прошло постановление еще более важного принципиального значения, а именно было постановлено, что в союз могут вступать и те акционерные банки, которые никогда не были ссудо-сберегательными товариществами. Согласно новому уставу союза, принятому в 1891 г., в союзе могут принимать участие акционерные общества, но лишь с особого согласия в каждом отдельном случае общего съезда. Правда, число акционерных обществ, принимающих участие в союзе, невелико — немногим более десятка, но с принципиальной стороны участие это имеет большое значение: оно воочию обнаруживает, что шульцевские кооперативы чувствуют себя внутренне близкими к капиталистическим товариществам, гораздо более близкими, чем к пролетарским кооперативам, которые были против своего желания исключены из союза в 1902 г.

Выше было указано, что шульцевская мелкобуржуазная кооперация пережила период своего наибольшего расцвета в семидесятые — восьмидесятые годы прошлого века. Действительно, именно в это время народные банки пользовались наибольшим влиянием в германском кооперативном движении: городская кооперация вмещалась почти целиком в рамки основанного Шульце Всеобщего союза. Затем положение начинает изменяться: рядом с мощной деревенской кооперацией, которая вела свое начало от Райффайзена и никогда не сливалась с мелкобуржуазной кооперацией Шульце, начинает делать быстрые успехи и пролетарская кооперация. Что же касается народных банков, то эти организации начинают сокращаться в числе благодаря превращению значительной части их в акционерные банки, новые же народные банки почти перестают возникать после восьмидесятых годов прошлого века.

Однако этот застой шульцевской кредитной кооперации не нужно понимать в том смысле, что народные банки приостановили развитие своих операций. Наоборот, прекращение роста их числа сопровождалось чрезвычайным расширением их операций и вообще улучшением хозяйственной постановки всего дела. Именно после 90-х годов многие из этих товариществ дорастают до уровня благоустроенного капиталистического банка.

Современное хозяйственное положение шульцевских товариществ в полном смысле слова блестяще, и по своей хозяйственной силе они далеко оставляют позади себя истинную кредитную кооперацию, которая в Германии представлена райффайзеновскими товариществами.

Год (Всеобщий союз Шульце)	Открытые кредиты в среднем на 1 товарищество (Всеобщий союз Шульце, тыс. марок)	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество (Всеобщий союз Шульце, тыс. марок)	Год (Имперский союз)	Оборот в среднем на 1 товарищество (Имперский союз, тыс. марок)	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество (Имперский союз, тыс. марок)
1890	1531	135,7	1892	189	7,5
1900	2617	204,8	1900	171	4,8
1912	5230	344,1	1911	418	6,7

С 1890 г. собственный капитал шульцевского товарищества возрос в среднем более чем в два с половиной раза, а сумма открываемого таким товариществом кредита возросла в три с половиной раза. Напротив, райффайзеновский кредитный кооператив, хотя и развил свои обороты в среднем более чем в два раза, не только не увеличил своих капиталов, но стал еще беднее капиталом благодаря тому, что новые кооперативы этого типа, быстро возросшие в своем числе, не имели времени скопить капиталы.

В то время как райффайзеновские товарищества кредитуют только в ничтожной мере своим собственным капиталом, а почти исключительно чужим, шульцевские народные банки имеют столько собственного капитала, что почти на одну треть кредитуют своим собственным капиталом.

Рост оборотов шульцевского товарищества при отсутствии соответствующего роста числа членов является, по справедливому указанию Финка, лучшим доказательством, что товарищество это все более принимает капиталистический характер. Одновременно с этим вся шульцевская кооперация все более и более утрачивает связь с кооперативным движением в Германии.

Всеобщий союз, основанный Шульце, ведет в настоящее время борьбу на два фронта. С одной стороны, он сохраняет свою прежнюю враждебность к пролетарской кооперации, зародившейся в недрах самого союза и исключенной из него в 1902 г., с другой стороны, союз относится резко отрицательно и к государственному вмешательству в кооперацию, которое нашло выражение в деятельности Прусской центральной кассы, основанной в 1895 г.

От деятельности Прусской кассы руководители Всеобщего союза не ожидали ничего хорошего для германской кооперации. При обсуждении в прусском ландтаге соответствующего законопроекта против него решительно высказались представители свободномыслящей партии Шенк и Рихтер⁹¹. Точно так же и на съезде Всеобщего союза в том же году была принята резолюция, рекомендующая шульцевским товариществам не вступать ни в какие сношения с Прусской кассой, причем Шенк указал, что и без помощи Прусской кассы шульцевские товарищества без труда находят требуемый им кредит, к государственному же банку товарищества эти не могут не относиться враждебно.

“ «Ибо. мы, — сказал Шенк, — убеждены, что вмешательство государства в кооперацию может только повредить кооперативному движению Германии, мы же остаемся по-прежнему при своих принципах самопомощи, самодеятельности и собственной ответственности».

Такое же враждебное отношение к Прусской кассе Всеобщий союз сохраняет и до настоящего времени. И, конечно, руководители союза правы, указывая, что шульцевские товарищества не нуждаются в государственном кредите, они слишком сильны, чтобы испытывать нужду в такой помощи. Напрасно только деятели Всеобщего союза говорят это от имени всей германской кооперации, которая по своему внутреннему строю не имеет с шульцевскими товариществами почти ничего общего и которая далеко не может находить с такой легкостью нужную ей финансовую поддержку у капиталистических банков, как

народные банки.

Таким образом, принципы Всеобщего союза встречают все менее отклика в различных направлениях германской кооперации. И это понятно. Пролетарская кооперация идет совсем другим путем, предуказанным еще рочдельскими пионерами. В крестьянской кооперации господствует райффайзеновское течение, относящееся без всякой враждебности к помощи государства. Что же касается мелкобуржуазной среды, среди которой возникла шульцевская кооперация, то и эта среда является менее благодарной почвой для движения, связанного с именем Шульце, чем она была пятьдесят лет тому назад.

Дело в том, что народные банки Шульце удовлетворяли насущной экономической потребности в пятидесятые — шестидесятые годы прошлого века. Пока в стране не было густой сети обычных капиталистических банков, получение кредита даже для более зажиточных слоев мелкой буржуазии было сопряжено с большими трудностями. Историческая роль шульцевских кредитных учреждений заключалась в том, что они явились первыми организациями, при помощи которых кредит стал доступен для мелкой буржуазии. Но чем более разрасталась сеть обычных капиталистических банков с их бесчисленными отделениями, разбросанными по всей стране, тем менее чувствовалась потребность в особых кредитных учреждениях для мелкой буржуазии.

Современный народный банк естественным ходом своей внутренней эволюции все более и более приближается к капиталистическому банку. Но если так, если имеются обычные банки, которые по своему капиталу несравненно сильнее шульцевских и которые в то же время при ожесточенной конкуренции между ними принуждены всюду искать своих клиентов и очень охотно берут на себя обслуживание кредитом тех общественных слоев, которые составляют главную силу народных банков, то для чего нужны эти последние? Конечно, обычные банки не могут кредитовать своих клиентов под долговые расписки, в чем заключалась первоначальная функция шульцевских кредитных учреждений. Но ведь в настоящее время народные банки почти не исполняют этой операции. Для капиталистического кредита — дисконта векселей и контокоррента⁹² — капиталистический банк является более подходящим учреждением, чем народный банк.

Вот это-то обстоятельство и задержало распространение народных банков. Чем более они сближались внутренне с капиталистическими банками, тем менее чувствовалась потребность в особых кредитных учреждениях для мелкой буржуазии. Дрезденский коммерческий банк превратил прежний центральный банк шульцевских кооперативов в свое собственное отделение к выгоде самих кооперативов. Точно так же поглощение того или иного ссудо-сберегательного товарищества обычным банком ни малейшим образом не сокращает возможности получения кредита для экономически более сильных клиентов этих банков.

Конечно, для более слабых общественных элементов, продолжающих принимать участие в ссудо-сберегательных товариществах, обычный капиталистический банк остается по-прежнему недоступен. Те двести миллионов марок, которые ссудо-сберегательные товарищества выдают в ссуду под долговые расписки, не могли быть выданы обычными

банками. Но ведь эти двести миллионов марок составляют ничтожную долю оборотов народных банков.

Более слабые шульцевские товарищества не страдают от конкуренции капиталистических банков: операции этих товариществ не представляют собой ничего заманчивого для обычных банков и не могут исполняться этими последними. Но процветающие ссудо-сберегательные товарищества уже сами являются банками, и конкуренция обычных банков чувствуется ими очень сильно. Поэтому для таких товариществ открыты, по-видимому, только два пути — или превращения в капиталистический банк, или поглощения этими последними.

Этого не могут вполне отрицать и руководители шульцевской кооперации. В одной из недавних брошюр председателя Всеобщего союза Крюгера мы встречаем, например, следующее характерное признание.

“ «С глубокой переменой хозяйственных отношений изменилось и положение кредитных товариществ в хозяйственной жизни. В течение десятилетий они могли рассматривать как свою собственную область удовлетворение потребностей в кредите мелкого и среднего промышленника и даже известной части крупной промышленности и торговли. Теперь положение иное. Для кредитных товариществ возникли сильные конкуренты в лице банков, и с этой конкуренцией кредитные товарищества должны считаться в своих операциях, чтобы не утратить лучшей части своих клиентов и чтобы не пострадать в своих оборотах, что, конечно, не соответствует интересам торговли, промышленности и сельского хозяйства».

Однако Крюгер успокаивает себя следующим соображением:

“ «В настоящее время является праздным вопрос, не окажутся ли для кредитных товариществ с течением времени опасными концентрация крупных банков и расширение сети их отделений по всей стране. Для ближайшего будущего потребность в кредитных товариществах не прекратится, и для отдельных областей, в их отношении к центрам, было бы невыгодно, если бы независимые ныне кредитные организации утратили свою самостоятельность. Это было бы такой концентрацией, которая причинила бы серьезный ущерб хозяйственному развитию отдельных районов».

Все это очень и очень неубедительно. Несравненно трезвее смотрит на вещи Финк, приходящий на основании тщательного исследования условий развития шульцевской кооперации к следующим заключениям:

“ «Где современное банковое дело достигло своего полного развития, там кредитное товарищество (шульцевское. — М. Т.-Б.) должно отойти в сторону.

Но где современные банки еще не укоренились — в маленьких городах и отдаленных, мало заселенных местностях,—там шульце-деличевское кредитное товарищество сохраняет все свое былое значение. Большинство шульце-деличевских кредитных товариществ еще удовлетворяет своему прежнему назначению, но та тенденция развития, которая выражается в наиболее преуспевающих шульце-деличевских кредитных товариществах, и приводит к параллелизму между акционерным и народным банком, обозначается все яснее и направляется в сторону господства современной банковской системы. С политико-экономической точки зрения не приходится жалеть об изменении внутренней природы шульце-деличевского кредитного товарищества, ибо оно только с очевидностью доказывает, что самопомощь нуждающихся в кредите не есть еще единственный выход из кредитной дилеммы прежних десятилетий. Ибо невозможно утверждать, что самопомощь в области кредита образует собой высшую ступень сравнительно с системой современного банковского дела... Первоначальное значение шульце-деличевской кредитной организации все более отходит в прошлое, и в этом нет ничего странного, если вспомнить, что эти хозяйственные учреждения существуют в наше быстро идущее вперед время уже 60 лет».

С этим заключением можно только согласиться. Кооперативная система Шульце имела большое историческое значение, но расцвет ее не мог быть продолжительным; имея своей социальной средой мелкую буржуазию в противоположность пролетарской рочдельской и крестьянской райффайзеновской кооперации, система эта, естественно, тяготеет к капиталистическим формам и сливается с капиталистическими организациями при полном успехе. В то время как рочдельская и райффайзеновская кооперативные системы заключают в себе существенно новые хозяйственные принципы, преобразующие современный хозяйственный строй, шульцевская кооперация есть не что иное, как преходящее хозяйственное явление, свойственное незрелой форме капитализма и исчезающее по мере дальнейшего развития капиталистического строя.

3. Возникновение в России ссудо-сберегательных товариществ

В России ссудо-сберегательные товарищества были созданы под непосредственным влиянием идей Шульце, бывшего вдохновителем Лугинина, пионера русской кредитной кооперации. Однако наши ссудо-сберегательные товарищества, история которых начинается от Дороватовского товарищества Рождественской волости Ветлужского уезда, составляют существенно иной тип, чем народные банки Шульце. Разница заключалась в том, что народные банки были кредитными организациями мелкой буржуазии, а ссудо-сберегательные товарищества, ведущие свое начало от Лугинина, должны были, по его замыслу, быть организациями крестьянскими.

Иными словами, Лугинин задумал перенести в среду русского крестьянства германские учреждения, приспособленные к нуждам и социальным особенностям германской мелкой буржуазии. Понятное дело, что такая попытка не могла иметь успеха. Хотя основные черты устройства русского ссудо-сберегательного товарищества и были глубоко переработаны Лугининым и его преемниками по делу, тем не менее кое-что весьма существенное было сохранено из первоначального образца этих товариществ в Германии, и прежде всего был сохранен принцип паевого капитала.

Правда, паи в крестьянских ссудо-сберегательных товариществах, которые в довольно большом числе возникали в семидесятых годах прошлого века в различных районах деревенской России, были, во-первых, невелики, а во-вторых, до известной степени номинальны в том смысле, что пай не вносился членом товарищества из его собственных средств при поступлении в товарищество, но вычитался из получаемой им из товарищества ссуды. Однако и в таком виде пай все же должен был уплачиваться членом, что при крайней бедности нашего крестьянства делало эти товарищества непригодными для среднего крестьянина. Только немногие более зажиточные члены крестьянского общества могли справляться с требованием уплаты пая.

Таким образом, уже принятие принципа паевого капитала делало ссудо-сберегательные товарищества непригодными для русской деревни. Еще, однако, важнее как причина неудачи их было то, что товарищества эти менее всего основывались на самодеятельности населения и в этом отношении самым резким образом отличались от своего германского образца. Все эти товарищества насаждались сверху, сначала несколькими благожелательными интеллигентами, а затем земствами, т. е. в конце концов теми же интеллигентами. Как только ссуды земства стали сокращаться, стало соответственно падать и число вновь открываемых ссудо-сберегательных товариществ:

Годы	Открыто товариществ	Получили ссуды от земства	В процентах
1871-1875	503	268	53
1876-1880	481	109	23
1881-1885	194	38	19

Щедрые ссуды со стороны земств приводили к тому, что товарищества возникали сплошь и рядом только ради получения этих ссуд, которые разверстывались между учредителями товарищества, чем и заканчивалась деятельность последнего. Неудивительно, что большая часть этих товариществ просуществовала очень недолго.

Годы	Число открытых товариществ	Число товариществ, закрытых к 1 января 1905 г.	В процентах
1871-1875	503	356	71
1876-1880	481	295	61
1881-1885	194	85	44

Наименее жизнеспособными оказались товарищества, возникшие в первую половину 70-х годов, когда земства были всего щедрее на выдачу ссуд и число вновь открываемых товариществ было особенно велико.

Правда, некоторая доля товарищества выживала, но нужно иметь в виду, что значительная часть этих выживших товариществ почти не функционирует в качестве действительных учреждений кредита и занята преимущественно «перепиской» ссуд — возобновлением их по отношению к первоначальным заемщикам.

4. Мелкобуржуазная кредитная кооперация в России

Эти первые деревенские ссудо-сберегательные товарищества представляли собой неудавшуюся попытку создать крестьянскую кредитную кооперацию. Однако рядом с ссудо-сберегательными товариществами в крестьянской среде (для которой данный тип кредитного учреждения был решительно неподходящим) такие же товарищества возникают и в иной социальной среде, той же самой, среди которой они так пышно расцвели в Германии, — в среде мелкой буржуазии.

Как правильно указывает С. Н. Прокопович, одновременно с этими неудачными опытами насаждения сверху кооперативного кредита у нас возникает гораздо более жизнеспособное аналогичное движение в среде городской мелкой буржуазии. Уже в 1867 г. некий Дидерих устраивает среди ремесленников (немецких) г. Петрограда ссудо-сберегательное товарищество. Правда, это городское движение казалось очень скромным сравнительно с деревенским: в то время как в деревнях новые товарищества возникали в семидесятых годах сотнями, в городах — только десятками. Но зато эти немногие городские ссудо-сберегательные товарищества оказались гораздо жизнеспособнее, как видно из нижеследующих данных.

Годы	Число вновь открытых городских товариществ	Закрытых к 1 января 1905 г.	В процентах
1866-1870	3	—	—
1871-1875	102	65	64
1876-1880	76	33	43
1881-1885	61	12	19

Таким образом, мало-помалу шульцевские кредитные организации находят для себя в России подходящую социальную среду, каковой у нас, как и в Германии, является городская буржуазия. Соответственно этому ссудо-сберегательные товарищества, начиная с половины девяностых годов прошлого века, открываются преимущественно не в деревнях (как раньше), а в городах.

Весьма интересно отношение народнической печати шестидесятых и семидесятых годов к попыткам насаждения в нашей деревне шульцевских организаций кредита. Отношение это было резко отрицательным. Самопомощи крестьян, нуждающихся в кредите, наши народники противопоставляли помощь таковым со стороны государства, кооперативному кредиту — кредит общинный. Ссудо-сберегательные товарищества были объявлены «Отечественными записками»⁹³ учреждениями буржуазными, направленными против интересов массы крестьянского населения.

“ «Массе рабочего сословия, — писали “Отечественные записки”, — нисколько не будет легче от того, что из среды ее выдвинется ничтожный процент и обзаведется капиталом; напротив, по всей вероятности, ей будет несравненно тяжелее, потому что этот капитал будет стоять непосредственно над ней и действовать в одном и том же поле действия с ней».

С. Н. Прокопович склонен видеть в этом отрицательном отношении народнической печати к насаждению в деревне ссудо-сберегательных товариществ только непонимание народниками важности кооперации. Однако в действительности тут было не одно непонимание кооперации, но и совершенно правильная оценка непригодности шульцевской кооперации для массы крестьянства. Народническая печать была права, признавая ссудо-сберегательные товарищества учреждениями «буржуазными», но она ошибалась, отождествляя с шульцевской кооперацией кооперацию вообще; с райффайзеновской кооперацией наша печать того времени была совершенно незнакома, но вряд ли можно допустить, чтобы наши народники отнесли к райффайзеновским товариществам с таким же осуждением, с которым они отнесли к шульцевским товариществам.

Как бы то ни было, ссудо-сберегательные товарищества нашли для себя в России подходящую почву и распространились преимущественно в среде мелкой буржуазии. В этой среде они достигли значительного успеха и обнаружили тенденцию развиваться так же, как и в Германии, — в сторону сближения с капиталистическими учреждениями кредита.

Что следует сказать, например, относительно польских ссудо-сберегательных товариществ.

По компетентному свидетельству г. Храневича, крупные ссудо-сберегательные товарищества в Польше — «кооперативы лишь по имени». Они широко практикуют различные формы капиталистического кредита, учитывают векселя, выдают ссуды под залог процентных бумаг и пр. Установленные уставом предельные размеры для ссуд не соблюдаются, и товарищества практикуют вместо мелкого крупный кредит. Ввиду этого официальные органы надзора за учреждениями мелкого кредита советовали некоторым таким товариществам сбросить форму товарищества и принять устав вполне капиталистических обществ взаимного кредита. Советы эти, однако, отвергались товариществами ввиду того, что форма товарищества дает значительные преимущества по отношению к взысканию долгов с неисправных должников.

Еще более капиталистический характер имеют ссудо-сберегательные товарищества Прибалтийского края. Они являются одними из наиболее старых русских товариществ и

наилучше организованных. Паевой капитал на члена достигает во многих из них сотен рублей, ссуды — еще больших размеров. Так, например, в Венденском товариществе паевой капитал на члена достигал в 1907 г. 738 руб., а средний размер ссуды — 4820 руб., в Вольмарском паевой капитал — 300 руб., ссуды — около 2000 руб. и т.д. Такой высокий размер ссуд объясняется тем, что по уставам этих товариществ размер ссуды ограничен лишь при ссудах по личному доверию, при ссудах же под обеспечение имуществом или ценными бумагами, а также за поручительством двух лиц кредит не ограничен. По словам г. Валаева, товарищества эти обслуживают «главным образом немецких баронов и отчасти промышленную жизнь городов и местечек». Дивиденды пайщиков в этих товариществах обычно очень высоки, и товарищества в обход своих уставов кредитуют не только своих членов, но и посторонних. В отдельных случаях кредит, открываемый на одно лицо, достигает до 20-25 тыс. руб.

Товарищество этого типа уже вполне приближается к народным банкам германского образца.

Большое развитие ссудо-сберегательные товарищества получили среди русского еврейства. Товарищества эти, общая численность которых к 1912 г. достигала 664 при 347 тыс. членов в 519 городских товариществах, состоят более чем на две трети из ремесленников и мелких торговцев. Однако большинство ремесленников являются мелкими предпринимателями, мало возвышающимися над уровнем обычной еврейской бедноты. Только немногие товарищества слагаются из более зажиточных элементов еврейской буржуазии. Вот что говорит по поводу их С. О. Марголин в своем исследовании «Еврейские кредитные кооперации» (1908 г.):

“ «Товарищества, приближающиеся по характеру своей деятельности к кооперации капитала, отличаются от остальных товариществ не только тем, что у них высокий размер пая и высокая норма оплаченного паевого капитала, но и состав членов этих товариществ резко отличается от обычного состава членов остальных товариществ. В этом отношении наиболее чувствительным показателем характера деятельности товарищества является участие членов-ремесленников. Можно предвидеть, что чем больше товарищество осуществляет у себя тенденции кооперации капитала, тем ниже процент ремесленников в этом товариществе, и, наоборот, чем больше товарищество осуществляет собой принцип кооперации, тем больше возрастает процент ремесленников в данном товариществе».

С. О. Марголин отмечает, что товарищества, состоявшие по преимуществу из торговцев, обнаруживают явно капиталистические тенденции, и в этих товариществах на первый план выступает задача выгодного помещения паевого капитала.

“ «В этом отношении, — говорит он, — наиболее характерна деятельность Мозырского товарищества. В этом товариществе понижение процента на ссуды повело бы к выходу многих членов из товарищества. Многие члены

поступают в это товарищество не с целью пользоваться ссудами на льготных условиях, но с целью найти выгодное помещение своим капиталам».

Однако все тенденции еврейских, равно как и иных городских товариществ Прибалтийского края и Королевства Польского, чрезвычайно затрудняются тем, что товарищества эти все же более или менее связаны своими уставами и не свободны в своей деятельности. Уже одно ограничение нормальным уставом кредита, открываемого одному лицу, имеет в этом смысле большое значение. Правда, эта статья устава на практике обходится, но все же она остается существенным препятствием к тому, чтобы наши городские ссудо-сберегательные товарищества развивались в сторону обычных банков, как это мы видим в Германии.

Во всяком случае, у нас имеются кредитные кооперативы мелкобуржуазного типа, и основные тенденции развития наших кооперативов этого типа имеют сходный характер с теми тенденциями, которые так ярко обнаружили в Германии.

Версия #3

Зверобой создал 9 июля 2025 20:43:09

Зверобой обновил 9 июля 2025 21:49:31